Ах, вашей, вашей несомненно
За тем, что здесь уединенно
Я только слезы лью по ней...

Стихотворение почти лишено смысловой нагрузки. На первый план выступает мелодика стиха. Но несколько легких, едва заметных штрихов, дающих намек на сравнение героини с Психеей, помогают автору найти логическую концовку. Эта скрытая параллель дает ему возможность объяснить свои призывы к Грациям («летите», «играйте осторожно с Ниной и берегите над стремниной») «элегантным» опасением того,

Чтоб не схватил ее в объятья
Какой-нибудь сокрытый бог.[36]

Подобной концовкой фрагменту придается формальная завершенность. В других случаях на первое место выступает эпиграмматичность стиха:

Алины здесь ты зришь изображенье,
За коей вслед идет обвороженье
. . . . . .
Ребенок злой, прелестный, как любовь,
Которой все убранство в небреженье,
Которая, сводя людей с ума,
В безумстве всех спокойствует сама

Все стихотворение подсказано двумя последними строками. Оригинальный словесный оборот породил поэтический этюд.

Встречаются и такие стихи, в построении которых решающую роль может сыграть случайная конкретная деталь.[37] Во всех случаях незначительному содержанию соответствует малая, но законченная форма.

Легкие стихи Муравьева различны по настроению: пессимистическая медитация чередуется с анакреонтическими мотивами, сердечные горести — с радостями, салонная камерность — с интимностью. Вместе с тем в них есть много общего. Легкая поэзия становится продуктом случайных эмоций, а не средством выражения философских и нравственных убеждений, как это имело место в поэзии Сумарокова и Хераскова. Она призвана

[36] Там же, папка № 13.
[37] Ср. стихотворение «Подарок»:

Темире ленточка?! Подарок в именины!
А что ж? Когда она в темировых власах,
Простая ленточка тогда в моих глазах
Дороже, нежели все перлы и рубины».

(Там же).